

Татьяна
Краснова

МОЛЧАНИЕ ЛЮБВИ

Мужские истории

Женские истории (ООО Центрполиграф)

Татьяна Краснова

Молчание любви

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Краснова Т. А.

Молчание любви / Т. А. Краснова — «Центрполиграф»,
2020 — (Женские истории (ООО Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09231-1

По духу и характеру Аня всегда была «отличницей», стремясь во всем добиваться лучшего результата. В отношениях с окружающими старалась, прежде всего, учитывать их интересы. В семье – преданная жена и мать, на службе – исполнительная тень начальницы. С годами Аня все сильнее и драматичнее стала ощущать свое одиночество. Все делала правильно, а в результате осталась одна: муж «откололся», сын вырос. Аня поняла, что долг – плохая замена счастью. Но ведь тридцать три года еще не старость, и не поздно прислушаться к голосу своего сердца, своей любви, понять, что действительно важно для Ани, а не для кого-то другого...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09231-1

© Краснова Т. А., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Часть первая	6
В электричке	6
Дома, в «подковке»	8
В «зефире»	10
В «каморке»	12
На смотровой площадке	14
В «подковке»	16
В усадьбе	18
На огороде	21
В усадьбе	23
В «подковке»	25
В «зефире»	27
В пути	29
В усадьбе	32
На «красной площади»	34
Дома, в «подковке»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Александровна Краснова

Молчание любви

© Краснова Т.А., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

Часть первая

В электричке

Москва вздохнула. Когда Аня вычитала, что Москва из-за земных приливов дважды в сутки поднимается и опускается где-то на сорок сантиметров, чудовищный мегаполис сразу превратился в трогательное живое существо. Его можно было даже пожалеть: ведь каждое утро – тяжелый вдох, и приходится подниматься вместе со всеми этими зданиями на поверхности, и транспортом, и копошащимися человечками, и вот так держать их на себе целый день, а вечером – долгий выдох, и живая земля со всем своим скарбом опускается, и электричка бежит веселей, как под горку. Неизвестно, как уж этот процесс происходит по-научному, но Аня представляла его именно как тяжкие вдох-выдох в начале и в конце трудового дня – Москва работает вместе со всеми.

– Куда лезете, тут уже некуда!

– Ничего, двигайтесь, там еще полвагона пустые!

Вот теперь и не вздохнешь: Аня угодила в середину вагона, и на остановках напирала и слева, и справа – два потока из двух дверей. Машинист быстро проговорил гортанным голосом радиосвязи, чтобы отпустили двери, хлопнул ими пару раз для порядка, и поезд двинулся. Бегом бежит, домой, в Белогорск!

Сесть, разумеется, до самого конца не удастся. Какое там сесть. Ради счастья успеть в последний момент на эту переполненную электричку и не ждать следующую еще сорок минут она творила чудеса: бежала в метро по эскалатору, неслась по вокзалу, лавируя в толпе, давилась со всеми на посадке, едва не свалившись в щель между вагоном и платформой. В час пик жизнь – подвиг.

Потому другие сотрудницы Белогорского музея и не любят, когда их посылают в Москву. Какой смысл кататься в столицу после победного шествия колбасы по всей земле русской? И Ане Семеновой эти поездки выпадают не по принципу «кто у нас самый молодой?», а – «ты же любишь». И действительно – любит. Москва и освежает, и встряхивает – вот как сейчас, и с особенным удовольствием потом возвращаешься – родной городок из внешнего мира видится таким домашним, уютным.

А оттоптанная нога и помятый бока она научилась компенсировать мелкими московскими радостями: мороженым, чашкой шоколада. Прогулка по Александровскому саду тоже очень хорошо помогает или пять минут на лавочке у фонтана, особенно на Пушкинской. От более серьезной усталости и средства посерьезнее, если время позволяет, – какая-нибудь выставка, благо музейщики посещают музеи бесплатно.

Сегодня она вообще пошла на крайнюю меру: Аня потратила! на себя!! деньги!!! В такое непростое время для семьи... Книжный магазин со своими заманчивыми витринами и россыпями, с роскошными альбомами по искусству – вообще тяжелая артиллерия, безотказный способ залечивания душевных ран. А уж если не просто полистать, а купить – это событие. Правда, она тут же уравнивала перекося, выбрав сыну здоровенный том «Почемучки». Для пяти лет как раз будет.

А облюбованные для себя переводные эссе о пейзаже уже удалось начать в метро. Они изданы удобно, в компактном формате любовных романов. И ренуаровские дамы с кавалерами на обложке еще усиливают сходство. Может, и сейчас удастся извлечь? Продолжая одной рукой цепляться за поручень, другой Аня попыталась достать книжку. Не смять странички! Не зацепить сидящую рядом голову! И двухчасовой путь в тесноте, по стойке смирно перестал быть

пыткой. Пару раз она очнулась, когда объявляли остановки, и снова погружалась в чтение. Опять остановка.

Взгляд подпрыгнул вместе с вагоном, и в конце его Аня увидела синюю рубашку. Темно-синюю джинсовую рубашку среди курток и плащей. Кто-то явно пренебрегал прогнозом погоды и игнорировал черемуховые холода.

И что-то нарушилось. Вмиг исчезли те годы, когда она была студенткой, женой, мамой, экскурсоводом, которого слушают десятки людей. Предательски рухнул весь социально-возрастной панцирь, на выращивание которого пошло столько сил и времени, и осталась только сама Аня, как она есть, беззащитная и растерянная. Она продолжала прочитывать строчки, сразу ставшие механическим набором слов, и знала, что молодой человек смотрит на нее через головы и сквозь туловища, а если нет, то сейчас это произойдет, так же наверняка, как если бы уже случилось, и если уже случилось, то в этом ничего невероятного.

Словом, всем уже заправляла неотвратимость. Между Аней и синей рубашкой в конце вагона пронесся луч и стал осязаемым, и Аня не разбирала, она ли его вызвала к жизни, но на каждый взмах ресниц чувствовала ответное натяжение, как при перетягивании каната.

Она не поднимала взгляда от своей книги, которая вмиг утратила самостоятельную ценность и обрела новую: уважительный предлог не поднимать взгляда – но вместе с тем продолжала видеть попутчика, который на нее смотрел. Она не могла разобрать черты лица и различала только его студенческий возраст и направленность взгляда – как в тумане, словно смотрела на дерево на горизонте или прозрачное юное облако. Это было особое надглазное зрение, которое открывалось в крайних случаях. И чем упорнее Аня смотрела в книгу, тем неукротимее стремился этот взгляд в конец вагона.

А сердце пульсировало музыкой и одновременно несло поезд по воздуху, он мчался над гаражами, трубами, ветками с желтовато-зеленым пунктиром, белыми многоэтажками-подковками – точно такими же, как ее дом.

Электричка остановилась и выпустила полвагона пассажиров, но сразу вошло еще столько же, и снова две толпы извне стали тесниться к середине. Студент в джинсовой рубашке пробирался прямо к ней. Сначала Ане казалось, что его сносит по течению, но потом она увидела самостоятельные движения, отличные от вынужденных маневров приспособиться к тесноте. Но то, что она не обманулась, вызвало уже не ликование, а панику.

Пассажиры перетасовались и уплотнились, и Аня оказалась теперь лицом к окну, а он – лицом к ее профилю (она сразу вспомнила собственный профиль в мамином трельяже и вырезанный на Арбате из черной бумаги). И стоял так близко, что легче было увидеть пуговицы, чем глаза. Надо бы взглянуть на него, чтобы понять, чем это он так смог ее смутить. Но что-то не давало поднять голову, и Аня ругала себя за эту мелкую трусость. А когда рядом неожиданно освободилось место – царский подарок! – плюхнулась на него с большим облегчением. Как же хорошо сидеть, и никуда смотреть не надо.

Поезд чудесно укачивал, и Аня даже подремала немного и уже запомнила о своем «приключении», а когда вдруг объявили Белогорск, вскочила от неожиданности. И увидела прямо перед собой растрепавшуюся светлую шевелюру и внимательные глаза – один серый, другой зеленый.

Дома, в «подковке»

По пути домой Аня критически поглядывала на себя в витринах, совсем как в школьные времена. Могла ли она тогда подумать, что в такие преклонные лета, как двадцать шесть, она – все еще! – будет привлекательной, и даже, подумать только, для студентов! Совсем развеселившись, она почти без огорчения прочитала объявление, что лифт не работает, и вполне бодро протопала все восемь этажей, под ту же музыку, возникшую в электричке.

Хлопнула входная дверь их квартиры, и музыка выключилась. Дома было тихо-тихо. И пусто. К холодильнику магнитом в виде арбуза прицеплена бумажка: «*Я на дежурстве, вызвали на подмену. Егор и бабушки. В.*». Понятно. Дежурство – это до утра. В магазин, полувахтером-полусторожем, Вадима совсем недавно пристроила ее кухня. И хотя это первоначально называлось «сутки через двое», приходилось стараться и постоянно кого-то заменять, потому что это лучше, чем сидеть совсем без работы и совсем без денег.

А ведь буквально вчера все было в порядке, и казалось, что порядок этот никогда не нарушится. Вадим, инженер-электронщик, работал в Белогорском НИИ уже двенадцатый год. Он пришел в него сразу после окончания Бауманского университета, и хотя стремительной и блестящей карьеры не сделал, но свое место, основательное, прочное, занял. Его ценили, с его мнением считались, зарплата была неплохая, да еще удавалось находить подработку на компьютере, и два сокращения его не коснулись. Жить можно.

Сам Вадим, спокойный, уравновешенный, начальство не раздражал, на глаза ему не лез, предпочитая заниматься своими делами, а не в свои не вмешиваться. И когда начальником отдела стал вчерашний коллега, с которым всегда находился общий язык, это должно было еще больше упростить жизнь – но неожиданно осложнило. Бывший коллега, встав в позу «я – начальник», начал самоутверждаться на подчиненных, в том числе на нем. Вадим сначала протестовал, а услышав, что здесь никого не держат, хлопнул за собой дверь. Стоит тратить силы и время, чтобы сработаться с этим зазнавшимся типом, если все равно ничего не докажешь?

Его уход не был демонстративным – он был уверен, что другого выхода нет. И произошло все так стремительно, что в семье не успели ни опомниться, ни испугаться. Ну, ушел и ушел. Найдет что-то другое, еще лучше. Так думали и сам Вадим, и Аня, и ее родители, тоже инженеры, всю жизнь проработавшие в том же НИИ. Институт к тому времени уже не был целостным, а состоял из нескольких отдельных организаций. Неужели такой специалист, как Вадим Семенов, ничего себе не найдет!

А он между тем ничего не находил. Это было какое-то хроническое невезение. Свободных мест или не оказывалось, или их уже кому-то обещали, или их вот только что заняли. Время шло, деньги, отложенные на покупку нового холодильника, проедались. Потом съели модернизацию компьютера, потом – летний отпуск. И неожиданно наступил момент, когда скромная Анина зарплата стала единственным доходом семьи. Не считая компьютерной халтуры, которая тоже как-то таяла постепенно. Короче, отворяй ворота, по пословице.

Вадим вместо «Коммерсанта» начал покупать «Работу & зарплату» и «Работу для вас», и скоро уже – в тех киосках, где они подешевле. Вакансии по его специальности были, но не в Белогорске или городах поближе, вроде Истры или Дедовска, а в Москве, до которой два часа дороги. В Белогорске же по-прежнему – ничего. Настала пора принять решение – оставить надежду найти работу рядом с домом и всерьез заняться поисками в столице, обрекая себя на кочевой образ жизни и постоянный недосып.

И тут как раз предложили магазин, и Вадим сразу согласился – надо же зарабатывать хоть сколько-то, чтобы хоть себя прокормить. И потом, остаются два свободных дня на продолжение поисков.

А теперь – постоянные внеочередные дежурства и записки на холодильнике.

Аня позвонила родителям, сообщила, что вернулась и сейчас подойдет. А что, собственно, ходить туда-сюда? И на обороте Вадимовой записки написала свою: «*Мы у бабушки, потом на работу. А.*» – и шлеп ее «арбузом» на холодильник.

Прошла по квартире, проверила воду, газ, розетки – все ли выключено, чтобы потом ничего не мерещилось. Закрыла окна, балкон.

В зеленом вечернем небе уже вовсю носились недавно прилетевшие ласточки. Они налепили своих домиков под всеми карнизами, а некоторые – даже на балконах. На их балконе тоже есть ласточкино гнездо, но оно сейчас почему-то пустует.

Семеновы получили квартиру в самый последний момент, когда институт еще давал жилье, на расширение – должен был родиться Егор. И ласточки в то же лето слепили себе домик. Аня сначала даже беспокоилась – вдруг это осиное гнездо и придется как-то от него избавляться. Но потом увидела торчащие оттуда птичьи клювы и деловитых родителей, которые эти клювы наполняли, – и обрадовалась. И дом – подковка, и ласточки – к счастью! К тому же птички регулярно истребляли комаров, сетки на окна вешать не надо.

Их ласточки – может быть, и не одни и те же – прилетали к ним все пять лет, и глиняный домик никогда не пустовал. А на этот раз они не прилетели. Жаль, конечно, если что-то случилось в пути. Африка не близко. Но ведь домик цел, и наверняка он еще кому-то понравится, должен его кто-нибудь занять!

В «зефире»

Родительский дом вел свою историю буквально от сотворения мира – белогорского мира, – он был построен одновременно с НИИ, для сотрудников, по старинному еще проекту: внушительный, с большими окнами, широкими коридорами и высокими потолками с лепниной, которые никто не брался белить. Ее потом все-таки сбили. Стены почтенного строения с тех же незапамятных пор принято было красить в бледно-розовый цвет, и белогорцы окрестили дом «зефиром».

Жители «зефира» были в основном такие же, как он, солидные – институтские ветераны, все друг с другом знакомые, привыкшие держаться с большим достоинством. Их сразу можно было отличить по пальто и шляпам былых времен. Они провожали внуков в музыкальную школу, ходили в библиотеку читать газеты, которые стало не по карману выписывать, многие – на концерты самодеятельности в ДК и на все прочие культурные мероприятия.

Их рафинированный интеллигентный облик был разновидностью местной экзотики – снимать дачу под ученым Белогорском или квартиру в «зефире» считалось престижным. Правда, сами старички не очень-то жаловали посторонних, которые покупали или снимали в их доме жилье, разбавляя «старую гвардию».

Аня привычно взлетела на свой третий этаж, толкнула дверь – беспечные родители никогда ее не запирали, хотя она не раз с просветительской целью включала им передачи с криминальными ужасами. Родители пугались и на короткое время начинали запираť дверь. Наверное, пора опять показать воспитательную передачу.

– Мамочка приехала!

Родимое теплое дитяtko выскочило босое и в одних трусиках, рассказывая про автомат. Егор сам его сделал из двух палок, подобранных во дворе. Аня еще не сняла куртку, а уже надо было держать автомат, восторгаться, и ей великодушно пообещали:

– Я тебе его подарю, когда ты опять будешь маленькая.

– А когда это будет?

– Когда-то-нибудь.

– А я тебе привезла – угадай что?

После ритуала угадывания Аня достала любимый Егоров слоеный «язык». Он уточнил:

– Настоящий московский?

– Настоящий.

– А что в сумке? Дай сумку!

Но сумка была предусмотрительно убрана, с обещанием выдать еще один подарок после ужина и с тонким намеком на хорошее поведение.

Тут же выглянула мама и привычно устроила разбор полетов – оказывается, «язык» надо было отдать тоже после ужина и не портить ребенку аппетит. И поведение должно быть хорошим всегда, а не за подарки. И хотя «всегда» звучало замогильно и сразу представлялась маленькая послушная мумия, в этих словах была доля правды. Но разве педагогично делать родителям замечание при детях? Аня подумала, не пойти ли ужинать домой. Потом представила давящую тишину своей квартиры – и не пошла.

К тому же маме еще надо сделать «сердечный» укол, а теперь пора кормить Егора, а вот начались новости, а вот Егор дергает – он уже пролистал подаренную книжку, благодаря чему эти новости удалось посмотреть, и теперь хочет, чтобы ему ее почитали. Привычно рассадил слушателей – старых Аниных кукол, надувного крокодила, заводную собачку и большую игрушечную обезьяну, которую принес к бабушке еще в прошлый раз. Похоже, он старается от нее избавиться. Огромную и, кстати, дорогую обезьяну Егору подарили на позапрошлый Новый год. Аня с Вадимом предвкушали, как он обрадуется, но малыш был подавлен ее угрожающими

размерами и изо всех сил старался не показать, что испугался, чтобы не обидеть папу с мамой. Скоро он перерос обезьяну, но так ее и не полюбил.

Зрительный зал был полон, и «Почемучка» началась. Да, Аня не ошиблась – Егор впитывал главу за главой и просил еще, и скоро они дошли до «Может ли зима с летом встретиться?» и «Можно ли просверлить Землю насквозь?». Бабушка уже заглядывала напомним, что ребенок, наверное, переутомился, но ребенок согласился сделать перерыв, только услышав песенку из «Спокойной ночи, малыши!».

Мама и папа, переглядываясь и прикрыв дверь в комнату с телевизором, ненатуральными голосами поинтересовались:

– Вы у нас остаетесь?

– Да, – ответила Аня, – Вадим на дежурстве.

– Что, опять?

– Опять.

– А ты ему будешь звонить?

– Зачем? Ничего же не случилось. Карточки для мобильника дорогие, а мы сейчас экономим. Звонить договорились только в крайних случаях.

Родители опять переглянулись. Аня была озадачена. Они что, считают, что ее мужа надо проверять, действительно ли он на работе? Откуда такие мысли? Да, с тех пор, как стало ясно, что найти хорошую работу – не раз плюнуть, у них дома поселилось напряжение, и это понятно. Но они вроде неплохо с ним справляются – или плохо? Если со стороны уже видно – а что видно? Разобшение? Отчужденность? Да откуда? Наоборот, без Вадима в доме пусто. Когда его нет, ей там и оставаться не хочется. Или это плохо, что не хочется? Аня решительно отогнала от себя все эти мысли. Так до невесть чего додуматься можно. Лучше пойти для Егора ванну набрать.

Но родители не отступили и, набравшись духу и переглянувшись еще раз – стало быть, вопрос был запланирован – выпалили:

– Вы что, собираетесь разводиться?

Аня сделала паузу, готовясь отвечать как можно терпеливее – разговор грозил затянуться, – как у входа громко постучали.

– Светлана Даниловна! А у вас дверь не заперта.

Из прихожей выглядывала девушка чуть постарше Ани, с напряженной улыбкой – милостивая блондинка в коротком цветастом халатике.

– Наша новая соседка из квартиры напротив. Из Таджикистана приехала. Я обещала, что ты покажешь ей, как делать уколы, – шепнула Ане мама и громче, гостеприимным голосом проговорила: – Да-да, Карина, проходите, пожалуйста.

В «каморке»

Карина старательно тыкала пустым шприцем в подушку. Так, как показала новая знакомая Аня – строго вертикально, в верхнюю четвертинку. Теперь можно попробовать на себе. Нет, лучше еще потренироваться. Вот ведь еще – анемия какая-то привязалась, витамины колоть велят.

Впрочем, если питаться хлебом, чаем и картошкой, гемоглобину будет взяться неоткуда, ясен перец. К тому же старая картошка уже плохая, а молодая – по цене апельсинов. Уж лучше тогда Иринке апельсины покупать. А принципиально обогатить меню удастся, только когда подвернется приличная работа.

Хорошо еще, что с жильем на время утряслось – тетка разрешает здесь пожить, пока сама на даче, всего лишь за квартплату. Это значит, до сентября-октября, какая погода будет. Жильцы этого дома, привыкшие к просторным апартаментам, однокомнатные квартиры называют «каморками». И пусть каморка, зато в «зефире»! Правда, квартплата эта самая – под тысячу, да еще вот на врача пришлось разориться и на лекарства. С временной пропиской и без работы никак не получишь медицинский полис, приходится платить. Что уж там на еду останется?

Тут думают, раз приехали с юга – значит, богатые. А до того, что еле оттуда ноги унесли, потому что русские, мало кому дело есть. Народ тут гордый, Карина сначала по провинциальной привычке пыталась здороваться с соседями, но они как-то странно на нее смотрели. Вот только Светлана Даниловна из квартиры напротив сама «доброе утро» сказала, да еще спросила, как дела. И Карина, как тот зануда из анекдота, вдруг начала ей рассказывать, как дела. Самой сейчас стыдно. Видимо, совсем одичала без общения. С теткой не больно-то поговоришь, спасибо и за то, что помогла с жильем и пропиской.

Как все-таки сегодня повезло! Она уже порядком устала сражаться с жизнью в одиночку, и вдруг – нормальные люди, даже не верится. Карина так боялась, что соседская дочка обольет ее презрительным взглядом, или скривится, или окажется мрачной и злой, но приготовилась все вытерпеть – еще и за уколы платить она не потянет, обязательно надо научиться самой.

А эта Аня и объяснила понятно, и расспрашивала ее обо всем с видимым интересом, не из вежливости. Они сразу, не стовариваясь, перешли на «ты». Карина, составившая для чужих перечень стандартных ответов на стандартные вопросы, неожиданно для самой себя рассказала ей все как есть. Было уже понятно, что здесь не посмеются, не осудят, услышанное не извратят. Даже на болезненный вопрос о муже, отце Иринки, она ответила правду: «Это человек, который, когда мы сюда приехали, сказал легендарную фразу: я не хочу смотреть, как вы умираете с голоду, один я выживу как-нибудь».

– Ирин, тебе тетя Аня понравилась?

– Да, – отвечала Иринка, привязывая большой серой обезьяне пышный сиреневый бант. – И бабушка с дедушкой. И Егор понравился.

Егор дал ей поиграть свою огромную обезьяну – Иринка, когда ее увидела, прямо застыла, глазенки загорелись. Не жадный мальчишка. Забавный такой, объяснил, что называть обезьяну надо почтительно – Обезьяна Васильевна, а когда услышал, что Карине прописали железо, принялся утешать: он видел по телевизору, как один человек глотал гвозди, гайки, шестеренки – и ничего, еще и улыбался.

– Мам, ты всю подушку истыкала. Ты будешь делать настоящий укол?

– Сейчас, соберусь с духом. Да ты на ухо ей этот бант привяжи, на макушке не будет держаться. Тебе когда сказали Обезьяну Васильевну возвращать?

– Когда наиграюсь.

– Ну, это они погорячились. Завтра вернешь. Я утром уйду, побудешь одна, с обезьяной? Не забоишься?

Иринка неуверенно кивнула.

– А ты куда?

– А я схожу в музей, где тетя Аня работает. Она сказала, может, меня возьмут экскурсоводом для иностранцев.

На смотровой площадке

Этот путь Аня совершает, согнувшись в пояском поклоне и иногда вставая на колени, чтобы прочистить ручкой веника водостоки, забитые опавшими прошлогодними листьями.

Медленный круг обметания: вокруг колокольни Благовещенской церкви – прекрасная смотровая площадка на четыре стороны света. Отсюда видны и весь Белогорск, и старинная усадьба, в которой располагается музей. Ради этих видов туристы и покупают сюда билеты. Правда, Аня сейчас видит только кирпичи: темно-бурые, выпуклые старинной кладки и плоские красные – современные заплатки. Веник обходит каждый из них по периметру, выгребая из ложбинок песок, конфетные бумажки, скрученные билеты, травинки, листья, окурки, скорлупки семечек.

Старушка, которая раньше здесь убиралась, решила, что ей уже в тягость лазить по крутым каменным ступеням, да на такую высоту. Так у Ани неожиданно оказался еще один вид заработка, не особо денежный, но хоть что-то. Встать пораньше – и вперед, пока нет посетителей.

Егор, услышав про смотровую площадку, обомлел – это было его любимое место в усадьбе – и теперь ни за что не хочет оставаться с бабушкой, а просится с мамой на работу. Его садик сейчас на каникулах... Вот он, в суконной курточке и матросской шапочке, пронесится, взмахивая руками, перепрыгивает через ковыляющий веник, но перед входом на колокольню замедляет скачки.

– Мамочка, а оно сегодня ответит – э-хо? Губы округляются, чтобы образцово и отчетливо исполнить обе гласные.

Теперь надо войти внутрь, встать посередине и прокричать: э-ге-ге! – и эхо даст свой ритуальный ответ.

Дальнейший путь почти на четвереньках. Кирпичная дорожка переворачивается, превращаясь в стену, и Аня бесконечно долго карабкается по красным кирпичам. Егор успевает сделать несколько кругов, спуститься вниз, вернуться и сообщить, что посидел на пушках. Восторг его не гасится ни повторением каждый раз одного и того же, ни молчанием Ани.

Маленькая понижающая ступенька опрокидывает кирпичную стену в положенную горизонталь. Остановка. Можно разогнуть спину и шею. Над ними – деревянная изнанка крыши с невидимым гнездом и невидимыми пищащими птенцами. Метнувшийся сверху большой веер исчезает там же.

– Это их мама, да? А как они называются?

Судя по пятнам на перилах, они называются голуби. Облюбовали колокольню – здесь тихо, она недействующая. Везде гнездится жизнь, кроме Аниного балкона – он так и остался пустым.

Аня оценивающе осмотрела наскальную флору по периметру площадки. Надо ее когда-нибудь выдрать. Когда силы будут. А то скоро одуванчики расцветут. Егор радостно теревит, показывая на горизонт:

– Видишь? Наш дом. А вон там – наша дача!

С высоты усадебные аллеи смотрятся еще величественней, а за ними – щедрый разбег лужайки со скульптурно стоящими большими деревьями: лиственница, сосна, береза, липа, дуб. Еще дальше – огороды музейщиков, и на самом краю, отмеченный кустами бузины, – их клочок, без всякого юмора именуемый «дачей».

Кажется, на сегодня все, и можно спускаться.

– А как они оттуда не падают – человечки?

Уже начинается рабочий день у строителей. Благовещенскую усадьбу украшает редкая на Руси шатровая церковь, и вот шатер-то сейчас и реставрируют, прилаживая красивую сереб-

ристую облицовку. Снизу строители кажутся величиной с жучков, и стук их маленьких молоточков разносится непропорционально громко.

Теперь все это надо перевести на элементарно-образный язык и изложить медленно и внятно. Аня поймала себя на том, что по привычке постоянно подбирает точные и понятные слова для всех окружающих явлений – даже если Егора нет рядом.

А у ворот в усадьбу уже расположился Очарованный Странник с мольбертом. Ну, теперь Егора не отлепишь. Благовещенскую церковь рисуют постоянно: отовсюду приезжают и художники, и студенты целыми группами. Но этот – местный, он ходит сюда, как на работу, в любое время года. Зимой – в тулупе и валенках, как рыбак, собравшийся на подледный лов, летом – в чудной широкополой шляпе. У него и складной стульчик прихвачен, и термос – все нужные вещи всегда с собой, он собирается на пленэр всерьез и надолго. За это Аня про себя зовет его Очарованный Странник.

Красивых видов вокруг Белогорска множество, но Странник не разменивается на них, он пишет исключительно Благовещенскую усадьбу. Аня с Егором видели у него и зимние пейзажи в хрустящих голубых и дымчатых розовых тонах, и весенние с голыми ветвями и отзвуком знаменитой картины «Грачи прилетели», и даже исторические, с барской каретой у ворот усадьбы и крестьянами в лапотках.

Сегодня на мольберте было буйство сирени, художник утопил в ней церковь снизу, а сверху – в таких же буйных, с сиреновой ноткой, облаках. А он молодец, подумала Аня, сумел – все во всем отражается.

– Привет.

Мамина соседка Карина. Как идет это имя к ее карим глазам с золотой искоркой.

– Привет. От нашего начальства? Ну как?

– Английский и немецкий одобряют. Сейчас сезон, туристы едут во множестве, экскурсии заказывают. Но, конечно, большой минус, что я после института нигде не работала. Я блеяла, что сидела с ребенком и что невозможно было устроиться, что в прекрасном Таджикистане приоритет отдавался национальным кадрам. Хоть это и правда, но так беспомощно выглядит. Я ваше начальство понимаю: опыта работы нет, ребенок есть, сама неизвестно кто. Они тоже скорее местных возьмут...

– Так что, совсем не взяли? – нетерпеливо перебила Аня. – Нужен же человек. Соколова же уходит в отпуск в июне, а в июле – Андреева.

– Вот вместо них и предлагают, временно, – отозвалась Карина бодро. – Велели за неделю текст экскурсии по усадьбе подготовить, желательно на обоих языках.

– За неделю?! Ну, это сурово. Я на русском- то месяц писала, даже в Ленинку ездила и в нашем архиве копалась...

– А я в местную библиотеку сейчас пойду. Там же бесплатно? Что-нибудь да выищу. Неделя так неделя, хозяин барин, придется успеть.

– Знаешь что, – Аня соображала, мысленно перерывая свой письменный стол, книжный шкаф и кладовку, – зайди ко мне сегодня вечером, в «подковку». Я поищу свои старые записи. У меня хороший текст, я по нашей усадьбе диплом писала. Правда, по живописи, но там про все есть, тебе хватит. Останется только перевести. Я поищу.

– Свой текст? Ты мне его хочешь дать? – Голос Карины стал серьезным, а лицо – напряженным, как тогда, при первой встрече. – Спасибо большое, для меня сейчас готовый текст – просто богатство. Но чем я буду тебе обязана?

Аня только отмахнулась:

– Его пока еще найти надо. И не волнуйся, от меня не убудет. Меня от обзорных экскурсий уже тошнит за четыре года. Я вообще их собиралась свести до минимума, да деньги нужны.

В «подковке»

– Зачем ты это сделала! – Вадим встречал Аню с возмущенным видом. – К чему такие крайности!

Аня ничего не понимала. Из ее мужа обычно было слова не вытащить, а тут они лились рекой, и очень громко. Да, та тишина в доме – пожалуй, не самое худшее. Так ли уж она была убийственна?

– Что случилось?

– Наверное, самое худшее, если со мной уже и советоваться не надо. Ни по какому поводу!

Постепенно выяснилось, что Анины папа и мама, Светлана Даниловна и Андрей Иваныч, *поговорили* не только с Аней. В их планы по спасению молодой семьи входил еще и разговор с Вадимом, из которого он узнал, что его жена вынуждена заниматься грязной работой. Всего остального он или не понял, или просто не обратил внимания. Вадима уязвило до последней степени, что с ним не посоветовались насчет совка и веника.

– Да я вот как раз сейчас и собиралась тебе сказать. – Аня разувалась, мыла руки, выкладывала хлеб и молоко из пакета, а Вадим, взъерошенный, сердитый, ходил за ней следом. Егор предпочел потихоньку уйти в свою комнату. – Некогда было советоваться, другие бы заняли это место. Желающих не одна я. Какие тут разговоры. Надо было попробовать сначала.

– Не надо было пробовать! Я не хочу, чтобы ты чего-то там подметала.

– Ну да, мы ж графья, – саркастически проговорила Аня.

Вадим не слушал.

– Что, все совсем так плохо, что ты бросилась на трудовой подвиг? С университетским образованием!

– А что, все так хорошо? – Аня начала терять терпение. – За квартиру полгода не платили – ладно, но за телефон надо заплатить, а то отключат. А электричества нажгли! Лето начинается, Егору пора все покупать, он из всего вырос. О себе я уже и не говорю! А есть нам надо? А чего ты вообще кричишь?

– Я считаю, что если всякой ерунды не покупать, то денег хватит, – более тихим, но прыгающим от волнения голосом продолжал Вадим. – А если ты так уж непременно хочешь их зарабатывать, почему все-таки веник? Почему нельзя еще экскурсии взять?

– Потому что нельзя, – еще тише, чем он, заговорила Аня, и праведный гнев сразу исчез – Вадим бы предпочел не слышать этого тихого голоса, но его было уже не остановить. – Потому что столько экскурсий – уже нельзя. Потому что я к концу дня совсем теряю голос и даже не могу читать ребенку. А веником я могу работать молча! Потому что у меня давно уже нет ни суббот, ни воскресений, как у всех людей. Потому что я уже по ночам веду эти экскурсии, как испорченная пластинка.

– И во всем этом виноват я, – подытожил Вадим, круто разворачиваясь в дверях кухни. – Вы бы все хотели, чтобы я пошел назад, на поклон к Зубакову.

– Я этого не говорила.

– Я и так вижу. Пусть об меня вытирают ноги, не важно! И пусть все говорят, что моя жена пошла в уборщицы, – тоже не важно!

– Ну да, караулить магазин куда престижней. И можешь не разоряться, я все поняла – надрываться на работе можно, главное только, чтобы это было в рамках приличий. Лучше бы ты ужин приготовил, что ли, если дома весь день. Хотя все равно аппетит пропал.

– А я приготовил.

Вадим уже жалел, что так раскипятился. Взять и показать свою слабость вот так по-дурацки – ведь это он не на Аню рассердился, а сам на себя, на свои бесконечные неудачи. И

картошка остыла, надо подогреть... Чайник и сковородка стояли на столе – наверное, с этого и надо было начинать, а разговоры потом. Аня всегда его после работы сначала кормила. И Егора не слышать – наверное, испугался. Вот черт.

– Идемте ужинать, – позвал он.

Но Аня стояла на пороге.

– Мне надо найти одну вещь. Наверное, у родителей. Мы там поужинаем, можешь не ждать. Егор со мной, он подружку себе нашел у соседей.

В усадьбе

– Лариса Ивановна здесь?

Аня заглянула в барский дом, на экспозицию живописи восемнадцатого и девятнадцатого веков, которую они называли старинными залами. Само Благовещенское было гораздо древнее – оно впервые упоминалось в документах еще четырнадцатого века и принадлежало по очереди Ивану Калите, Григорию Пушкине, предку поэта, и множеству других именитых русских – вояк, посланников и просто помещиков. В конце концов от целого села осталась только усадьба с церковью, зато церковь была уникальная, а дом – роскошный, почти дворец в два этажа с колоннами у парадного входа, отреставрированный самим Шехтелем. Последним его владельцем был известный московский богач-предприниматель, у которого гостили и Чайковский, и Чехов, и Серов, – словом, музеем есть чем заинтересовать туристов. Где еще можно увидеть настоящее пенсне Антона Палыча и черновики «Лебединого озера»?

Ларисы Ивановны здесь не оказалось. Аня на всякий случай заглянула во все уголки, но в старинных залах было пусто, только лица благородных дам взирали с портретов на опущенные занавеси, на круглый стол из деревянной мозаики и стулья с резными птицами на спинках – и вслед своим шагам она почти слышала шелест их пышных юбок. Одна из дам, в неповторимой рокотовской дымке, всегда смотрела на нее особенно внимательно. Этот портрет был гордостью коллекции. Аня незаметно кивнула даме и поспешила назад.

– Мурашова в запасник ходила, потом побежала в дирекцию, а после на «конюшню» собиралась, – сказала ей пожилая смотрительница у входа.

И повезло же Ларисе Ивановне, когда она впервые пришла сюда после МГУ! Усадьба оживала, коллектив только набирался, начиналась специализация, и молодым поручали основные средства. Как важно попасть сразу на настоящее дело! Лариса Мурашова взяла бесхозную живопись, которая до семидесятых годов вообще не выставлялась. Все, что сейчас видят посетители в старинных залах – в сердце музея, – создано ею с нуля, все интерьеры с их интимностью усадебной жизни, где картины, для таких уголков и писавшиеся, не казенно «выставлены», а привычно живут в согласии с обстановкой...

Приземистое двухэтажное здание в стороне – бывшая конюшня, а сейчас – выставочный зал, где устраиваются новые выставки в отличие от постоянных в барском доме. Аня взбежала на крыльцо.

– Вы здесь! Ну что?

– Как всегда – ничего, – невозмутимо отвечала Мурашова, стремительная и не по возрасту моложавая, с резкими чертами лица и короткой стрижкой. – Как всегда, в толк не возьмут, зачем бы нам покупать полотно Рябушкина.

Самым главным своим делом сама Лариса Ивановна считала вовсе не старинные залы, а собирательство современной коллекции, которым она параллельно занималась все эти годы. Чиновники того времени, конечно, такую задачу перед ней не ставили. Мурашова сама поставила ее, и авторы, которых она тогда отыскивала – естественно, не на официальных выставках, – вошли сейчас в обойму ведущих мастеров. В советские времена приходилось доказывать, что государственные деньги тратятся не зря и что искусство не бывает местечковым и надо собирать работы не только подмосковных художников, и много чего еще приходилось объяснять и доказывать, но тогда давали деньги. А сейчас их не давали, и уже очень давно, хотя упрямая Мурашова продолжала делать заявки в комитет по культуре. И получать отказы, вот как сейчас.

– Не дали денег, – жестко повторила она. – Обидно, так много хороших вещей, и опять уйдут мимо госколлекций. Ладно, Аня, что нам горевать – нам зато Кудряшова дарят, сейчас звонили.

Рассчитывать по большому счету можно было только на дары – но дары не прекращались. Мурашова была известна, попасть в собрание ее музея считали за честь – и те, кто сотрудничал с ней уже по двадцать лет, и молодые. Только за последние три года прибавилось больше ста работ. Чтобы отблагодарить художников, Лариса Ивановна и затеяла новую выставку, которую они с Аней уже почти подготовили.

Аня четыре года назад пришла сюда на практику, потом – писать диплом. Да так и осталась, прилепившись к Ларисе Ивановне и сделавшись буквально ее тенью.

– Кажется, все готово, – критично оглядев зал с работами братьев Волковых, сказала Мурашова и перешла в следующий, с Белютиным и Поманским. – Здесь тоже ничего. Освещение надо еще раз проверить... Ну вот, а говорили: айсберг, айсберг... Партийные работники мне вдалбливали в свое время, что музей – это айсберг, – пояснила она Ане, – и только вершина должна быть видна. Бог, мол, с вами, приобретайте, храните все это, но не выставляйте. А тогда зачем приобретать? Собрать и поставить в фонды – это одно. А так всегда хотелось выставить!

И хотя Белогорский музей давно не был айсбергом, каждую новую выставку Лариса Ивановна ощущала как личную победу.

– Через две недели можно открываться, – решила она, – приглашения уже подготовлены, только дату вставим. Как раз успеем закончить третий зал. А ты сегодня какая нарядная, во всем новеньком.

– Да это из сундука, – махнула рукой Аня.

Отыскав в маминной кладовке свою дипломную работу для Карины, она вдруг наткнулась на сверток с вещами десятилетней давности, которые бережливая мама, когда-то сказав, что выкинула, на самом деле припрятала. И как это оказалось кстати! Аня примерила джинсы и кофточки, считавшиеся некогда старыми, и они оказались очень даже ничего. Главное, в аккурат. И даже морально вроде бы не очень устарели... А то всю голову сломала: совсем тепло уже, что надевать? Заранее она ничего не любила запасать, и даже босоножки осенью, в еще благополучные времена, выкинула, легкомысленно решив, что потом все купит новое и модное. Кто же знал, что жизнь пойдет под лозунгом: «Ерунды не покупать»? Ладно, выкрутилась! Конечно, не роскошь, не дама на портрете, но...

Аня пригляделась к белютинской «Женщине с ребенком», висевшей на почетном месте. Очерченная, словно одним быстрым движением, широкой разноцветной полосой, она так плавно склонялась над своим абстрактным младенцем, и нежный профиль так знакомо затуманился...

– Лариса Ивановна, я крамолу сейчас скажу. Может, мне мерещится? Но ваша любимая «Женщина» похожа на рокотовскую даму.

Мурашова подошла, прищурилась.

– Посмотрите на лицо, она в таком же «далеке». Правда!

– Я же говорю, освещение надо проверить. Разные эффекты могут быть... Пора по домам. Наверное, только Калининков у ворот остался да мы.

Так по-настоящему звали Очарованного Странника.

– А что, если его когда-нибудь выставить? – тихо предложила Аня. – Когда я вспоминаю все, что у него видела, неплохая экспозиция выстраивается. Мне кажется, многим интересно было бы...

Лариса Ивановна всегда отвечала конкретно. Она только на секунду задумалась.

– Хочешь сама сделать выставку? Созрела? Хороший музейщик обычно долго созревает. Калининков наивен, но стоит подумать. Не сейчас, конечно.

– А когда?

– Сама считай. «Современники» два месяца простоят, август – не выставочный месяц. Потом проект директору надо достойно представить, не как детский лепет. Твоя идея – продумывай.

Странник у ворот действительно еще работал – ловил оранжевые отблески заката.

На огороде

Огороды за усадьбой разбили давно, лет пятнадцать назад, когда стало ясно, что зарплаты музейщиков не скоро перестанут быть копеечными и что спасение голодающих – дело рук, конечно же, их самих. И даже когда большинство интеллигенции побросало лопаты, приноровившись к новым временам и пустившись на заработки, эти участки продолжали быть обитаемыми. Кто регулярно сажал картошку, а кто навещался только за малиной и смородиной.

– И что, как урожай? – спрашивала Карина, вскапывая грядку на краю оврага, рядом с Аней.

– Несметные, – отвечала Аня, и Карина смотрела вопросительно, не понимая, надо ли смеяться: она действительно не знала, что может вырасти в средней полосе.

Аня делилась советами и семенами, прикидывая, что не поздно сажать в конце мая.

– Щавель пойдет, зелень, редиска, горошек. Егор его очень любит, Иринке тоже наверняка понравится. Огурцы? Попробуй. Картошку поздно, конечно. Главное, не надорвись со своей железодефицитной анемией.

Но Карина увлеченно копала, вслух высчитывая, сколько денег будет сэкономлено благодаря огороду. Конечно, тяжело без привычки, Ане-то муж давно все вскопал, и посеяла она вовремя, теперь рыхли да пропалывай, а дождик поливает. Да и участок у них заложен фундаментально, земляники-малины всякие. Ничего, редиска и горох – тоже неплохо, на рынке-то не накупаешься.

Карина вообще была полна энтузиазма: материалы она представила в срок, и они понравились, и первые экскурсии прошли удачно. Через неделю обещали аванс, а сегодня – первый выходной! И Аня взяла выходной, чтобы на грядках поковыряться. Да, надо бы в музей закрепить. Искать работу трудно – вон Вадим, Анин муж, сам местный, всех знает, а уже полгода ищет. Правда, зарплата здесь невелика, квартиру на нее не снимешь, но главное – работа по специальности, главное – поднатореть, главное – опыт. Тогда и в столицу можно отправляться предлагать свои рабочие руки, начать зарабатывать...

Егора и Иринку с огорода хорошо видеть: она – в красном, как мак, платье, он – в синей матросской шапочке, играют возле деревянной часовни. Егор показывает, как залезать на старый корявый дуб с толстыми низкими ветками, и девочка аккуратно залезает и бережно спускается, не помяв своего красивого платья.

Дети подружились – так же, как и Аня с Мариной. Карина сразу заметила, что атмосфера в семье Семеновых тягостная, и попыталась ее развеять. В один из вечеров, когда Вадим был на дежурстве, они пришли с Иринкой в гости и разогнали давящую тишину. Дети с порога принялись играть, а Карина, отказавшись от угощения – «Вот забогатеет, тогда и пир закатим», – достала... шесть новых незаточенных карандашей.

– Сейчас будем гадать, – распорядилась она. – Я прочитала в журнале. В любом доме есть домовый, и ему можно задавать вопросы. Сделай свои карандаши буквой П, вот так. Я тоже. Теперь соединим их концами – и спрашивай. Да что хочешь.

К удивлению Ани, карандаши начали сгибаться то вовнутрь, то вовне – это были *да и нет*.

– Домовой-домовой, ты добрый дух? – на всякий случай уточнили они сначала.

«Нет», – отвечал домовый. Это было похоже на правду.

– Домовой-домовой, тебе нравятся те, кто здесь живет?

«Да», – отвечал домовый, и, хоть это и была хохма, на сердце стало посвободнее.

– Аню любит муж? – спрашивала Карина.

«Да», – отвечал домовый.

– А он скоро найдет хорошую работу?

«Нет».

Жаль, нельзя было спросить почему. Наверное, его возможности, как и у людей, были ограничены. Но Ане начинал нравиться разговор с домовым, который, по его словам, прежде был мужчиной – в его ответах была посторонняя логичность, и еще он довольно уверенно говорил о будущем, утверждая, что у Ани будет трое детей.

– Второй ребенок будет мальчик? – азартно спрашивала Карина.

«Да», – отвечал домовый.

– А третий – девочка?

«Да», – отвечал домовый. Они попытались построить вопросы по-другому, но результаты не изменились – домовый был тверд. Аня развеселилась: она никогда не представляла других детей, кроме Егора. Ни мальчиков, ни девочек. Трое? И все мои? Нет, это для таких больших, сильных женщин. А Аня и с Егором чуть Богу душу не отдала...

Потом она вошла во вкус и сама начала задавать вопросы – о Карине:

– Что это все я да я! Домовой-домовой, у Карины появится друг?

«Да», – отвечал домовый.

– Настоящий? Достойный?

«Да».

Также дух точно знал, что это будет высокий блондин и что Карина выйдет за него замуж. И когда на следующий день Карине начал оказывать усиленное внимание темноволосый прохожий и она отметила неточность предсказания, Аня развела руками: «Ничего не поделаешь – придется красить».

... – Ты их видишь?

Аня огляделась. Красного, как мак, платьица и синей бескозырки возле деревянной часовни не было. И на старом дубе тоже. И вообще нигде.

В усадьбе

– Вот и я не вижу. Минут, наверное, десять уже. Я сначала думала, что их из-за дуба не видать, потом – что они за часовней.

– Пойдем-ка поглядим.

Аня с Кариной побежали к часовне, но детей там не было. Они посмотрели по сторонам, попробовали покричать, поаукать – ответа не было. Мамы растерялись.

– Может, к роднику пошли попить? – нерешительно предположила Аня. – Давай сбегает.

Скоро они обежали уже все уголки, куда бы могли направиться дети: родник, солнечную лужайку рядом с ним, скамейку в тени под липой, мостик, аллеи. Заглянули за каждое дерево, кричали так, что всех птиц перепугали. Потом вернулись на огород – Егор с Иринкой, наигравшись, могли прибежать именно туда, где были мамы. Переглянулись. Пустота говорила о том, что положение, кажется, нешуточное. Куда же они могли деться?

А со стороны усадьбы приближалась пестрая шумная толпа туристов. День был субботний, экскурсии прибывали одна за другой, на стоянке уже выстроилось несколько автобусов и машины тех, кто приехал сам по себе. Да еще вереница свадебных автомобилей – молодожены по традиции едут сюда фотографироваться.

– Слушай, если их понесло к усадьбе, они же сейчас в толпе затеряются.

Забыв о вещах, оставленных на огороде, Карина с Аней побежали к барскому дому. По пути спросили у сотрудницы, ведущей экскурсию, не видела ли она их детей. Она так и ахнула:

– И давно ищете? С ума, что ли, сошли? Милицию скорее вызывайте! Увезут ваших ребятшек, и не заметите – видите, какой наплыв. Ищи-свищи потом.

Они в панике побежали назад – Анин мобильник был в сумке на огороде – и скоро уже на милицейском «козлик» медленно объезжали немалую территорию музея. Церковь, барский дом, выставочная конюшня, дирекция в отдельном флигельке, еще один флигель – общежитие сотрудников, реставрационные мастерские, довольно запущенные усадебные аллеи, часовня, огороды – и по кругу назад. Пожилой усатый милиционер успокаивающим голосом расспрашивал, как малыши одеты.

И вдруг указал на молодоженов и их гостей:

– Вон красное платьице – не ваша девочка?

Нарядная группа расположилась на традиционном месте, у высокого крыльца барского дома, позируя свадебному фотографу. По обе стороны от невесты, держа ее кружевной шлейф, стояли с довольными мордочками мальчик в матросской шапочке и девочка в красном платье.

Карина и Аня кинулись к ним. Фотограф, заикаясь и косясь на милиционера, объяснял, что он тут ни при чем, что дети и на предыдущей свадьбе позировали, что они здесь уже давно. Он думал, это услуга такая предоставляется. Молодожены вообще ничего не понимали и нервно хихикали.

– Ладно, не будем портить людям торжественный день, – сказала Аня, отводя всех в сторонку, к скамейке.

– Мы не портили, – убедительно заговорила Иринка, заглядывая ей в глаза. – Они нас сами попросили, невеста и жених. Не эти, но такие же красивые.

– У невесты был такой огромный хвост, – добавил Егор.

– Фата, – поправила его Иринка.

– Ну да, она везлась по траве – белая!

– Они нас сами попросили поддержать, знаете, как в фильмах, и мы фотографировались, фотографировались! – Девочка мечтательно зажмурилась. – Потом другие тоже захотели... – А о том, что мы чуть с ума не сошли, вы подумали? – завелась было Карина, но тут вмешался милиционер:

– Ну, раз все в порядке, я поехал.

Карина и Аня кинулись извиняться, провожая его до машины, а когда вернулись к детям, те, перешептываясь, протянули им целлофановый пакет.

– Это что? – не поняла Аня.

– Это нам свадьбы давали.

В пакете вперемешку с конфетами лежали доллары и сторублевые бумажки.

– Только этого еще не хватало! – Аня кинулась к барскому дому, но свадеб уже след простыл.

Карина, наоборот, смеялась:

– Ладно тебе, они же правда подумали, что мелюзга трудится. В зоопарке с обезьяной можно сфотографироваться, у Исторического музея стрелец с секирой стоит. А что! Нам за месяц столько не заработать.

Но Аня не успокаивалась:

– Егор, ты зачем брал деньги?

Егор неопределенно пожал плечами, а Иринка опять заговорила самым убедительным голосом добронравной девочки, которую совершенно не за что ругать:

– Я бы хотела Барби, и ее мужа, и детей, и, если можно, кукольный домик...

– Нашлась пропажа? – К ним подошла Мурашова. – Анечка, это мой добрый знакомый Илья Плотников, приехал к нам на лето поработать. Проводи его, пожалуйста, к реставраторам, вам по пути.

Рядом с Ларисой Ивановной стоял Анин студент из электрички – в той же синей джинсовой рубашке, один глаз серый, другой зеленый – ни с кем не спутаешь.

В «подковке»

Вадим возвращался домой радостный: сменщик опять попросил за него поработать, но в последний момент вышел сам, и ночь спасена – можно не торчать в унылом магазине. А он уже отзвонил Ане, и она сказала, что заночует с Егором у родителей. Первым движением было отправиться в «зефир» и забрать своих домой, но Вадим притормозил. Он представил, что Аня пришла усталая, забралась в ванну или села есть, а тут он явится и помешает. Лучше позвонить, чуть попозже.

Дома было тихо-тихо. Даже холодильника не слышать, хотя он обычно ревет, как трактор. Давно пора новый покупать. Когда теперь? Лучше не думать.

Газеты с подчеркнутыми и зачеркнутыми, отработанными объявлениями валялись грудой на диване, Вадим их решительно сгреб и отправил в ведро – ничего ценного. Полосе невезения не было конца. Он уже боялся встречать на улице знакомых по институту, которые, как назло, все время попадались навстречу: «Что, ничего не нашел? До сих пор?» Это действительно казалось ненормальным. На него начинают глядеть не сочувственно, а как-то странно: может, он и раньше не представлял никакой ценности, только никто этого не замечал.

Тишина какая противная. Ни Аниной музыки, ни Егоркиного шума. Надо же, а раньше все время хотелось тишины: «Дайте же спокойно поработать (почитать, полежать и т. п.)!» Даже кран не капает, он его починил. Прямо как у Ани в музее.

Вадим никогда ей не говорил, чтобы не обидеть, что музейная тишина наводит на него ужас. Дрожь пробирает, если вспомнить этот непереносимый искусственный воздух, оцепенение картин на стенах и погребенность предметов за стеклами – всегда хочется поскорее выбраться на волю. Для него это было *небытие*, в своем предельном, повернутом вспять векам воплощении. И пусть сколько угодно считается, что это, напротив, воскрешение, ожившая память прошлого. Вадим и не сомневался, что музеи – благое дело, и с удовольствием вместе с Егором лазил на пушки или разглядывал тяжеленные мечи – но на ходу, передвигаясь из зала в зал. Только не останавливаться! Это Егорушкина свежесть взгляда и экспонаты надеяла новизной. Ребенку можно не объяснять, что мечу четырехста лет, для него это *Меч*, как если бы только возникший, и его нисколько не давит сумеречная тяжесть законсервированного времени...

Странно, что познакомились они с Аней именно в музее – в ее музее. Вадим уже несколько лет работал в Белогорске, а все не удосужился там побывать, пока в один из выходных знакомые насильно его туда не затащили. «Стыдно! Медведь! Лежебока! В эту усадьбу из Москвы едут и со всей России!» Пришлось терпеть и ходить вслед за ними. Это сейчас там все дома свежие, покрашенные, и церковь наконец ремонтируют, она становится веселенькая, как теремок. А тогда, в промежутке между советскими и нынешними временами, царило запустение, усадьба выглядела заброшенной и наводила тоску. И экскурсовод, девочка-практикантка, была такая хрупкая, слабенькая, прозрачная, как русалка, ее хотелось поскорее забрать оттуда, накормить, развеселить. Если бы не она, Вадим сбежал бы сразу. Но он покорно ходил, слушал и все смотрел, смотрел на прозрачные зеленые глаза, на темные волнистые волосы, сбегающие ниже плеч...

Вот так накормил! Развеселил! Загнал на две работы. И она еще пытается говорить какие-то смехотворные вещи, что вот если бы она осталась без работы, а он ее содержал, это бы считалось только естественным. Какие тут могут быть сравнения! Вадим всегда гордился своей семьей, и своей ролью ее главы, и заработанной квартирой в новом доме. Это в самом деле была его крепость или, скорее, надежная раковина, куда так уютно заползти, и отдохнуть, и забыть об агрессивном внешнем мире. Это в нем были хаос, неприятности и плохая погода. А

здесь – только Анина музыка, возня играющего Егорки и, в худшем случае, рев холодильника – но своего, родного холодильника, он ревел, холодя их продукты.

Пора позвонить. А надо? Вадим был в растерянности. Что он скажет? Кого-то обрадует, что ли, своим звонком? Аня подумает – он хочет, чтобы она бежала его кормить. Да он и сам бутерброд намажет, стоит ее дергать ради этого.

Чтобы заглушить безмолвие, он включил телевизор. Ведущий, захлебываясь, затараторил новости. И неожиданно для себя Вадим уснул на кухонном диване, успокоенный осмысленными звуками человеческой речи.

Когда очнулся, за окном было уже темно, светили фонари и звезды, заглядывала полная луна. Вот дурак. Он постоял у окна. Конечно, все давно спят.

В «зефире»

Аня попыталась уложить Егора пораньше. Он сегодня «ходил на работу» и днем не спал. Но, наоборот, разгулялся и, против ожиданий, не рухнул как подкошенный. Кровать – белая, с мягкой металлической сеткой и подъемными боками, в ней спала еще сама Аня, и ее сестренка Лиза, а до них – двоюродные братья и сестры. А теперь пришло время на ней прыгать! Ладно, пока сама не успокоишься, и ребенок не успокоится – проверено. Лучше не обращать на него внимания какое-то время.

На подоконнике – «Семья и школа» со статьей о том, что должен уметь шестилетний человек. Хотя шесть Егору исполнится только через три месяца, Аня придирчиво проверила соответствие. И там еще полезная статья, как не быть чересчур хорошей матерью. С рекомендацией находить хотя бы пятнадцать минут в день только для себя. Это вроде маминых советов: «Ты умеешь себя только нагружать. Ты совсем не умеешь расслабляться».

Итак, пятнадцать минут. Пусть сейчас они и начнутся. Как расслабиться, она тоже читала: лечь на спину, закрыть глаза ладонями, скрестив пальцы на лбу, и увидеть полную черноту. Тьму без линий, без рисунков. Воображать черное. Идеальный отдых для глаз, мозгов и нервов.

Но чернота была населена. В ней копошились сизые колокольчики, лучи, вертушки. Пунктиры и пересечения. Очертания плывущих букв.

Они когда-то с Вадимом купили пластинку-индикатор, наверняка шарлатанский. Зажатый между пальцами черный квадратик показывал цветным расплывающимся отпечатком эмоциональное состояние. У Ани он был изредка красным, что означало «напряженное», но почти всегда оставался черным – «стресс». Зато у Вадима квадратик неизменно был голубым, что означало «расслабленное».

Действительно, Вадим всегда был спокоен как танк, никогда не выходил из себя. И только в последнее время появились невиданные раздраженность и вспыльчивость, все из-за этой работы... Аня всегда воспринимала Вадима якорем, крепко и надежно притягивающим ее к земле, а себя – с самых ранних лет – воздушным шариком, облачком, тополиным пухом – чем-то невесомым, летучим, и знала, что в этом есть опасность для нее самой, и неосознанно искала именно такой вот якорь, который сможет ее удержать от совсем уж головокружительных полетов. Почти семь лет надежности и безопасности – и вот опять ощущение, что ее здесь, на земле, ничего не удерживает: то ли она не нужна, то ли ей здесь ничего не нужно...

Боже мой, сама уже почти заснула, а этот ребенок все не спит! Машет до потолка, постель в кучу. Снова перестилать! Ты почему не спишь? Ты что, не устал за день?

Итак, расслабиться, пятнадцать минут для себя, спокойствие, представим черное... Черное было коричневым, и в нем под углом реяли потусторонние образы окна и шкафа. Темнее, темнее, силуэты сгущаются в красноватые пятна и заступаются тьмой. Надо добиться абсолютно черного цвета, но фиолетовое поле сплошь засыпано светящейся пылью, и чем темнее небо, тем ярче звезды. Небо со звездами. Вообразила, называется. Вон оно – и без упражнений, за шторами.

Не сдаваться! Расслабиться во что бы то ни стало! Вообразить какую-нибудь черную-черную вещь. Черную шаль, черную юбку. Черную складку на черном платье. Черный занавес, черный ботинок, у которого черный квадратный каблук, черный квадрат – на индикаторе – он обрастает фоном и рамой, страницей журнала, статьей о Малевиче...

Кажется, хватит расслабляться. На сегодня достаточно. Сказано же – пятнадцать минут.

Под одеяло с писком перекатился теплый детеныш с холодными ножками: песенку! И послушно заладилась песенка домашнего употребления:

У собачки глазки спят,

У собачки носик спит,
У собачки ушки спят,
У собачки хвостик спит, —

и далее, с перечислением лапок, спинки и животика. Когда собачка устаревала, универсальная песня меняла зачин: а у кошки глазки спят. Могло быть: а у мышки глазки спят, а у мишки глазки спят, а у зайки... у Егора... Вадим обычно комментировал: «Качал Гаврила колыбели» и на предложение «хорошо бы у нас покачал» запевал: «У Гаврилы глазки спят...»

Мальчик больше не копошился и не переворачивался. Аня сама попробовала пошевелиться – нет, ничего, не встрепенулся.

И тут снизошло спокойствие, которого так не хватало при затянувшемся укачивании. Теперь было так умиротворенно лежать рядышком, и наслаждение видом спящего дитяти длилось свободно и невесомо, как сон. Вставать заниматься своими делами теперь совсем не хотелось.

А на подоконнике, кроме «Семьи и школы», лежал еще один журнал, непрочитанный, который дал новый знакомый Илья и который пора бы уже возвращать, и брошенная та еще книжка, и фильм был отмечен в программе, и Вадиму она собиралась позвонить на работу, просто так, без повода, в рамках траты денег на ерунду...

В один из ускользающих мигів сообразив, что может исчезнуть до завтра, Аня ощутила в полуспящей голове физически неприятный тормоз: если она сейчас уснет, то опять недоберет чего-то у жизни. Если не соскresti себя с кровати, с утра затянет рутина, и невыполненные планы обернутся кухонным раздражением и ежедневной глухой тоской.

Туловище поднялось, ноги спустились на пол. Аня раздвинула шторы. Фонарь не светил. Двор был пуст и темен, «зефир» образовывал букву П, и от одной ее ножки к другой двигалась полная, просвечивающая луна. Может, все-таки спать? Завтра опять рано подниматься...

Аня представила плоскость розовой стены, и свое окно на ней, и свой взгляд из него, и множество других окон-фасеток со своими картинками ночного двора и луны.

Тут же взгляд мысленно передвинулся к «подковке», обращенной в ту же сторону, и Аня смотрела уже из того окна на ту же самую луну и то же самое небо, и сбоку загибалась девятиэтажная стена-глаз со множеством окошек-взглядов.

Там пусто, в «подковке». Там всегда теперь пусто, как в музейном запаснике, куда заглядывают только время от времени, строго по делу.

И что звонить Вадиму? Он тоже наверняка прикорнул в своем магазине...

В пути

– О, кто это шагает с мамочкой? На работу, наверное? Ну, здравствуй! Ты почему молчишь? Надо поздороваться. Ты не хочешь со мной поздороваться? Ты же меня знаешь. Нет, ты поздоровайся. Ты же такой большой мальчик. А? Будешь здороваться? Ты почему отвернулся? Ну-ка, вылезай из-за мамы и поздоровайся!

Но Егор молча страдал, уткнувшись в мамин рукав.

Страдала и Аня. Ее Егорушка, который с полутора лет говорил все слова, а с двух читал буквы и по вечерам рассказывал длиннейшие сказки собственного сочинения, теперь не желал выговорить приветствие бабушкиной соседке, повстречавшейся им на пути. Антонине Петровне, той самой Карининой тетке. Он отчаянно молчал, претерпевая пытку. Тетка продолжала приставать.

Аня не знала, как положить этому конец. В «Семье и школе» на этот счет указаний не было. С вежливой улыбкой она сердилась на соседку, одновременно переживая, что ее ребенка могут принять за тупицу, просто за дурака – и начинала злиться уже на него.

– Тебе что, трудно сказать «здрассте»? – приставала она к безответному мальчику, когда они шли дальше.

Она видела, как сама становится чудовищем, и сердилась еще больше – ее превратить в злоку противную!

– Все люди здороваются. Так принято. Ты меня понимаешь?

Но дети – ангелы в своем терпении, и злока-змеюка не была мамой, и Егор ее просто не замечал. Он переключился на огромных гудящих шмелей, которые то и дело взлетали прямо из-под ног, и вел им подсчет:

– Дяденька шмель – раз. Дяденька шмель – два.

Чтобы срезать угол, они пошли через старый городской парк с большими деревьями. Неба здесь не видать, оно слилось в необъятную зелень. От сплошной тени заметно прохладней, и лучше надеть суконную курточку и неизменную бескозырку.

– Пойдем, – торопила Аня.

Надо двигаться в рабочем темпе, и отказываться приходилось от многого: от аппетитного вяза из пяти перевитых, а затем растопыренных стволов – ладонь-сиденье, вот бы залезть; и от заброшенного водопроводного люка с худой канистрой на дне. Ее непременно надо бы выудить длинной загнутой проволокой. Но мама, как всегда, служила отрывателем и подгонятелем.

Парк граничил с игровыми площадками детского сада. Егор опасно туда поглядывал и на всякий случай говорил:

– Я в детский сад больше никогда не пойду.

– А посмотри, какие там горки и домики. Какой жираф – ему можно забраться на шею, – на всякий случай пропагандировала Аня, сама удивляясь, до какой дешевки она опускается.

Разумеется, благородный ребенок не покупался на жирафа, он предпочитал идти вместе с мамой куда угодно – в этом виделись единство мира и счастье, ничем не омраченное.

А на красивое здание музыкальной школы реакция другая:

– Я в музыкальную школу – пойду.

Теперь можно снять теплую курточку. Дорога к усадьбе широкая и солнечная.

На смену сирени зацвел розовый шиповник, и у душистой живой изгороди, как всегда спозаранку, обосновался Очарованный Странник. Работает он быстро – Аня и Егор остановились посмотреть на новую картину. На ней снова появилось существовавшее когда-то село, и нарядный шатер церкви с золотым куполом словно вырастал из скромных сереньких крыш, похожих на сложенные крылья ночных бабочек.

И крыши виделись такими же убогонькими, как в семнадцатом веке, когда храм действительно вырос из них, из крестьянских податей, из труда мастеров, выпекавших по отдельности каждый кирпичик. Эти бедные селенья...

А она нужна – красота за счет бедности? А может, лучше было бы – крепкие дома и все сыты и обуты?

То есть всё проели – и нет красоты? И как без нее?

Двойственное ощущение оседало в душе, ни одна правда не побеждала. А сверху доносятся звон молотков, словно звон несуществующих колоколов с колокольни. Музей реставрирует храм, несмотря на безденежье.

– Привет, Арсений Филиппыч, – помахал рукой, подходя, Илья Плотников, и более церемонно – Ане: – Здравствуйте, Анна Андреевна.

Аня кивнула. Добрый знакомый Ларисы Ивановны уже со всеми здесь успел подружиться и практически со всеми молодыми был на «ты» – кроме нее. Она тоже ничего не имела против, но Илья продолжал церемонничать и, мало того, обращался к ней по имени-отчеству – его восхищало, что оно такое ахматовское. Впрочем, его, как и многих москвичей, в Белогорске восхищало практически все. – Здравствуй, Илья – веселый человек, – с достоинством отвечал Странник, не глядя на него и продолжая сосредоточенно работать.

– Вот всегда меня удивляло – зачем Богу крыша над головой? – сказал Илья, взглянув на картину.

Странник, опять не глядя, показал ему кулак – не богохульствуй, а потом указал кистью на церковь, внушительно и кратко пояснив:

– Красота.

– Ну, это не в тему, – возразил Илья. – Хотя и до вас эти понятия смешивали, и вы их смешиваете. Выходит, нужен красивый повод, чтобы стоять красивые здания? А для себя абы как, сараи сойдут? – Он ткнул пальцем в убогонькие крыши. И тут же примирительно: – Ладно, не сердитесь. Не слушайте, работайте себе, а то ходят всякие, настрой сбивают... А все-таки, хотите или нет, картина ваша будит еретические мысли. И сиростью-убогостью вы никогда меня не умилите! Я, когда на это золото смотрю, всегда невольно пояса представляю – которыми голодные животы потуже затягивали, и себе, и детям вот таким же. – Он кивнул на Аниного сына, потом подмигнул: – Эй, Егор, бежим наперегонки до ворот!

– Мальчишка, – так же внушительно заключил Арсений Филиппыч, глядя им вслед. – Не берите в голову, Анечка, это он перед вами шута разыгрывал. А ведь дельный парень, сам Тишин хвалит его.

Илья Плотников не был студентом. Хотя в свои двадцать шесть выглядел по-мальчишески – улыбчивый, общительный, подвижный. Аня удивилась, узнав, что они ровесники, а значит, часть жизни прошли параллельно: переходили в школе из класса в класс, потом, все еще не зная друг друга, с курса на курс, она – на истории искусств, он – у себя в Строгановском. Какие-то америки могли открывать одновременно, какие-то велосипеды изобретать, ходить по одним и тем же выставкам, смотреть те же фильмы. Не случайно же сейчас, при виде картины Калининкова, их мысли почти совпали.

А дальше сравнения были уже невозможны: Аня казалась сама себе значительно старше, на целую человеческую жизнь – на жизнь Егора. И была она всего-навсего мурашовской тенью, в то время как Плотников уже состоялся в профессии и о нем с уважением отзывались все начиная с Ларисы Ивановны. Сам Тишин, признанный реставратор по станковой живописи, глава их музейной мастерской и редкий молчун, сказал о нем: «любит работать» – что было высшей похвалой.

Илья и Егор добежали до ворот и ждали Аню, сидя на пушках. Кстати, с Ильей сын здоровался с удовольствием, не то что с каргой-соседкой. Каждое утро. Потому что последнее время каждое утро Илья попадался навстречу тут, у ворот.

Молотки на шатре Благовещенской церкви продолжали дружно звенеть. И Очарованный Странник, удовлетворившись тем, как солнце весело пляшет в нарисованном куполе, смело прибавил колокол в свою композицию.

А Аня, почему-то сдвинув брови, поспешила к усадьбе.

В усадьбе

Илья постоянно попадался на глаза. То у входа в барский дом – он что-то делал с перекосившейся дверью, на которую уже давно жаловалась старушка-смотрительница, и, заметив Аню, пояснил:

– Я же все-таки Плотников. Сейчас попробую извлечь генетически заложенные умения предков.

То в выставочном корпусе, когда она сдавала свою группу Мурашовой, – по любимым «Современникам» та водила публику сама. Аня застала Ларису Ивановну взбудораженной – очевидно, Илья прошелся по авангардистской «Женщине с ребенком», разноцветной и полосатой, и Мурашова ему выговаривала:

– ...она такая, какой он ее увидел в двадцатом веке, нравится нам это или не нравится! Может, мы и сами себе в наше время не нравимся, может, нам приятнее было бы быть такими, как эти дамы в старинном зале, и жить их более гармоничной жизнью. Кино и сериалы, например, просто ушли в старину с кружевами и кринолинами, в тоске по гармонии. Но сегодняшняя жизнь абсолютно негармонична! И когда ее такой и изображают, это не оригинальничание, а честность!

И, оставив за собой последнее слово, ушла с группой.

– Все дразнитесь? – поинтересовалась освободившаяся Аня.

– Ну да, – серьезно ответил Илья, выходя на крылечко. – Наговорила бы Лариса Ивановна всех этих изумительных вещей, если ее не расшевелить немного? А так мы узнали, что прекрасные дамы ей все-таки нравятся, – улыбнулся он.

– Святое лучше не задевать, – посоветовала Аня. – А прекрасные дамы вам самому должны нравиться, иначе как их реставрировать?

– Мурашова – великий человек, – легко согласился Илья. – Задевать нельзя, только молиться. Кроме шуток – выставку она сумела сделать. Когда на открытие приезжают министры культуры, бывшие и нынешние, и чины из администрации президента, начинаешь лучше понимать роль ее личности в истории. Конюшня эта чего стоит! Не оборудуй она ее под залы – валялось бы все в кладовках с пауками. Не в барском же доме «Современников» выставлять. А что касается дам – ими занимается исключительно Тишин. Мне достался дядька восемнадцатого века, закопченный и неизвестный.

Они дошли до барского дома, где уже топталась, ожидая экскурсовода, новая группа.

– А к дамам в кружевах я стал относиться гораздо теплее, – поведал Илья на прощание, – хотя мне ближе мурашова конюшня – сейчас я это так, дурака валял... Так вот, я почти полюбил старинные залы, потому что вы в них работаете.

Специального обеденного перерыва у музейщиков не было, был закуток со всегда горячим чайником, и, когда Аня забежала перекусить, Илья уже стоял там с кружкой и приветствовал:

– Вовремя, Анна Андревна, чайник как раз вскипел. – И невинно осведомился: – Не создается впечатления, что я перед вами все время маячу?

– Хватит выделяться. Прекрати называть ее Анной Андревной, – приказала Карина, которая тут же доставала из сумки свой сухой паек. – Это уже все границы переходит. Аня – деликатный человек, и ты этим бессовестно пользуешься.

– А вы не маячите, – одновременно проговорила Аня. – Вы помогаете старушкам, ведете ученые диспуты и законно пьете обеденный чай.

– Двое на одного, – обиделся Илья.

– Сейчас уйдет и унесет свои конфеты, – прокомментировала Карина. – Ань, он нам тут дед-морозовский мешок принес. Ладно бы рядовые батончики к чаю – нет, всякие шикарные коркуновы и прочие мишки-белочки.

– Ты это к тому, чтобы я мешок оставил, а сам ушел? – прищурил Илья свой серый глаз. – Не бывать этому. Угощайтесь, Анечка, а то она все съест, и оглянуться не успеете.

– Спасибо, – отозвалась Аня, разворачивая «Мишку косолапого». – Конфеты – здорово. У вас день рождения?

И тут Илья действительно смутился.

– Убили наповал, – признался он, не найдя, что ответить. – Нет дня рождения. Просто так. На радостях, что вы все-таки не исчезли навсегда. Я же знаю, что знакомиться в транспорте – пошло, а уже был готов, хотя и безо всяких шансов.

– Чего? Он это что – заговаривается? – вытаращила глаза Карина, но Илье постучали в окошко, и его уже след простыл. – Ань, ты его определенно замораживаешь, он даже на «ты» не решается перейти.

– Я – нет, – кратко ответила Аня. – Может, это твоя пикантная юбочка действует?

– Ладно, хоть «Анну Андреевну» прекратил, – продолжала размышлять Карина. И завершила: – А юбка моя ни при чем – хоть я ее сниму. Он на тебя смотреть ходит.

На «красной площади»

В тот день Илья возник еще раз. Аня отпросилась домой пораньше и, чтобы выиграть полчаса, решила просадить десятку на автобус. И вдруг видит в нем – опять Плотникова! Это уже чересчур. Compliments и знаки внимания – мило, всегда так приятно почувствовать себя привлекательной, но назойливость – уже раздражает. Тем более что и рабочий день не окончен, и ехать ему вроде как некуда – Аня знала, что Илья прижился в музейском общежитии, со строителями и другими реставраторами, приехавшими на лето.

Впрочем, он ее как будто бы не замечал и, картинно стоя возле задней двери, что-то чертил на карманном компьютере. Позирует? Выделяется опять? Уж так углубился... Но время шло, автобус подъезжал к центру, а Илья все не отрывался от своего КПК – и, похоже, не притворялся. Ане стало неловко: кто тут о ком, собственно, больше думает?

Она сошла на центральной площади, которую называли «красной» из-за новых кирпичных магазинов, выстроившихся стеной, и направилась в «Формозу» и в «Мир игрушки». А потом, на ходу упихивая в сумку сверток, чтобы не торчал, зашагала по «красной площади» – и снова натолкнулась на своего поклонника. Илья стоял на тротуаре, задрал голову и тоже не глядя по сторонам, – он наблюдал, как крепят наверху рекламный щит, и что-то кричал людям на подъемнике. Заметив Аню, разумеется, разулыбался и жизнерадостно заявил:

– Мы снова встретились. А может, нам не расставаться?

Сверху его о чем-то спросили, Илья ответил, потом указал Ане на щит:

– Вот смотрите – моя работа.

– Халтурите? – отозвалась она, не заметив гордости в его словах.

Зато трудно было не заметить долгой паузы, после которой он наконец выговорил:

– Это не халтура. Я сюда для этого и приехал, Селиванов пригласил. – Так звали владельца городской рекламной фирмы.

– Еще один добрый знакомый? – уточнила Аня с оттенком иронии.

– Ну да, – ответил Илья, не услышав оттенка. – У него тут совсем глухо, профессиональных дизайнеров нет вообще. Ляпают как попало – и все тут. Давайте я вас провожу немного.

– Значит, Селиванов – это серьезно. А как же мы? Лариса Ивановна? Тишин? – продолжала не понимать Аня.

– А это для души, – просто ответил Илья. – Лариса Ивановна затащила, я и остался. Почему нет? Реклама же не все время забирает. Потом, интересно, и, говорят, получается. И еще – люди у вас хорошие. Это ценно. Я отвык. Когда с деловым народом общаешься – они, знаете, тоже ничего, нормальные, вроде как мы с вами. Говоришь – понимают, многие вопросы даже проще решать – логика помогает. Но вот пришел к Тишину – батюшки, люди! Такие же, как я. Ничего объяснять не надо – той же породы, понимают все сами, без логики. Поначалу просто блаженствовал.

Аня незаметно улыбнулась – ей знакомо было это ощущение, она тоже испытала его, придя к Мурашовой. Тем более что ее всегда окружали технари – и родители, и сестренка Лиза, живущая сейчас в Москве, и муж были милыми, родными, но все же калькуляторами, бесконечно далекими от того, что ей дорого и интересно. Она привычно с этим мирилась, считая, что все такие, как надо, только она не такая, пока не оказалась в мурашовском окружении – если не в настоящей семье, то уж точно среди людей своей породы, которым ничего не надо объяснять...

– Вижу, я вас разочаровал, – зорко глядя на Аню, заметил Илья, – своим низменным занятием.

– Что вы торопитесь за меня говорить, – пожала она плечами. – Я еще сама не поняла, разочаровали или нет.

– Да что там, сразу видно. Вы на мой щит и смотреть не стали.

Аня непроизвольно оглянулась.

– Ладно, далеко уже. Потом посмотрите, если захотите. А помните, что раньше на этом месте висело? Ну что? Напрягите зрительную память.

Аня напрягла.

– Что-то с трудом... Ерунда какая-то. Лицо молодого дебила, утопические города...

– ...и легендарные строки: «Ты нужен России!» Это ж умирающий Базаров говорит: «Я нужен России! Нет, видно, не нужен. Да и кто нужен?» Трагичная сцена, большей безысходности представить невозможно. «Отцов и детей» в школе проходят, если я вспомнил – и другие могут. А это типа социальная реклама. Я увидел – чуть не сел. Кому взбрело? А ведь взбрело. Раскрасили веселенькими красочками. И такой идиотизм – сплошь и рядом. Вы поглядите на свой город! За что его так? Вон вывеска дикая, с розовыми зубчиками и голубыми колокольчиками. Ваши дети каждый день мимо ходят и привыкают, думают, что так и надо. Воспитываются на китче и безвкусице. А вы говорите: «Селиванов – разве серьезно?» Еще как серьезно, любое дело должен делать профессионал. У девяноста процентов людей нет вкуса, так был бы хоть у тех, кто оформляет эти улицы!

– Ну, Белогорск спасен – вы приехали, – совершенно без насмешки сказала Аня, которой вдохновенная речь показалась убедительной – но хотелось все же посопротивляться. – Я поняла, что это не халтура, что вы в ударе и все у вас получится. А как же дядька, закопченный и неизвестный? Останется в чулане с пауками? Откуда для него профессионал возьмется? Ведь у нас реставрация не заглохла только из-за Тишина с его энтузиазмом.

– Дядьку сделаю, – весело пообещал Илья. – Говорю же, могу параллелить. А вот здесь помните, что висело? Вчера убрали.

Аня не помнила.

– «Край родной НА ВЕК любимый». Годиков сто полюбили – и хватит! Месяц торчала у всех на глазах бредятина с орфографической ошибкой. Никто не замечал! Никто никуда не позвонил, не возмутился – и это в наукограде! – Да хватит вам оправдываться и защищать свою рекламу, – отмахнулась Аня, – убедили уже, что это Дело с Большой Буквы.

Но и Илья махнул рукой:

– Ничего не убедил. Продолжаете считать, что я размениваюсь.

– А вот это вы сами сказали. Какая разница, что я считаю. Наружная реклама – дело перспективное, деньги из воздуха. Зарабатывайте на здоровье. Надеюсь, Селиванов вас оценит по достоинству.

– И буду. – Плотников смотрел упрямо и почти сердито. – Знаете, что я подумал, когда нас тогда давили в электричке? Что если мне так повезет, что у меня будет такая, как вы, женщина, – она никогда не будет ездить в электричке! И сам я не буду. Я на машине домой вернусь. И заработаю на нее не клепанием сладеньких видов для продажи на Арбате!

Аня не нашла, что ответить, язык не поворачивался на подначки или шуточки – слишком было видно, что Илья говорит те слова, которыми не бросаются. Но он тут же утих, расправил брови и прищурил на этот раз зеленый глаз:

– Не заметили, как я вам глазки строил в электричке? Вообще-то, скромно говоря, меня трудно не заметить... А мне в вас сразу все понравилось. Вы вот мою «наружку» отвергли, а я вам даже любовный роман простил. Сразу начал в душе защищать: ну и правильно делает, что читает роман, а не ученый трактат какой-нибудь. Так это трогательно, так по-женски! И Ренуар на обложке. Сейчас так оформляют, я видел – то Магритта на обложку шлепнут, то Энгра, то Дега с балеринками...

Глаза у Ани расширились, но она не стала его разочаровывать. Она поняла, что Илье и впрямь показалось бы трогательным все, что бы она ни держала в руках – «Метрополитен-экспресс», Фандорина, лекции по высшей математике, сборник анекдотов, – и на миг ощутила

ту же панику, что и в электричке. Во всем этом уже не было приятной легкости безобидных комплиментов, а была грозная неотвратимость, когда земля уходит из-под ног и становишься сам себе не хозяин.

А Илья продолжал:

– Ну и что, что я один тут разговариваю. Как говорится, меня не любят – это минус, но и не гонят – это плюс... Вы взглядом предметы не двигаете? Хорошо получается, на меня только посмотрите – и задвинете сразу. – И резко поменял тему: – Чья это голова у вас из сумки торчит?

Сверток все-таки не помещался и вылезал. Аня, довольная тем, что опасный разговор прекратился, достала куклу – бравого барбиобразного моряка в белом кителе, с кобурой на боку.

Егор еще больше сдружился с Иринкой, а та не расставалась со своей новой кукольной семьей – на памятные «свадебные» доходы был куплен, как она и мечтала, полный комплект: Барби, ее муж и пара ребятишек. Дети сразу придумали для новеньких потрясающее путешествие на корабле из стульев, затянувшееся на несколько дней. И Аня долго не могла понять, что Егору для игры тоже нужны действующие лица – он использовал вместо них мишек и зайцев, но это было явно не то. Старые Анины куклы, большие, громоздкие, тоже не подходили. Егор ничего не просил, но стало понятно, что надо купить ему... куклу. Кукла для мальчика? Вадим и бабушка с дедушкой отнеслись к идее с сомнением, слишком сильны были стереотипы, связывавшие мальчиков исключительно с машинками и пистолетиками. Но Аня все же решилась.

– Он вполне мужественный, правда? – спросила она Илью.

– Да, вполне, – согласился он, вертя моряка в руках. – Вот только это явный американец китайского происхождения. Можно было русских кукол поискать, я когда-то видел очень неплохих, и с симпатичными нестандартными лицами...

Они уже подходили к «подковке», а с другой стороны, от станции, к дому приближался Вадим, уставший и понурый.

– Это мой коллега, Илья Плотников, – сказала ему Аня, здороваясь. – Корит меня за китайский товар. Говорит, надо было искать русского парня.

Но Вадим, не глядя на Илью, механически ответил, что ему очень приятно, на мужественного парня тоже не взглянул, бросил Ане:

– Подожди секунду, я газету куплю, – и отошел к киоску.

Илья мог принять эту угрюмость на свой счет, но не объяснять же ему, что муж полгода был без работы, а теперь ездит в Москву – два с половиной часа в один конец. И Аня, внимательно взглянув на своего провожатого, попыталась рассеять Вадимову невежливость:

– Что сразу заскучали? Может, я вас представила несолидно? Как вас по отчеству – Кирибеевич?

– Кириллович, – машинально поправил Илья, потом сообразил: – Ах, вон вы как. Ну что ж, можете и так представить. Герой достойный, он всегда мне больше купца Калашникова нравился. Я от своих слов не отказываюсь. И не шучу, когда говорю – давайте не расставаться!

– Да это я, я пошутила, – испугалась Аня. – Что это вы разошлись? Сами со всеми всегда бодаетесь, я и попробовала с вами разговаривать на вашем языке.

– А, бумеранг, значит, – задумчиво проговорил Илья. – Над кем смеются? – надо мной смеются. Ну, так мне и надо. Только с вами-то я всегда серьезно... Пойду. Мои орлы, наверно, там уже закончили.

Подошедший Вадим свернул «Работу для вас» в трубочку, потом засунул в карман, потом вытащил.

– Я от них ушел, – наконец сообщил он, не глядя на Аню.

Лифт опять стоял, и, пока они поднимались до своего восьмого этажа, Вадим рассказал, что в московской фирме, где он уже две недели отработал, обещанных денег выдали вполовину меньше, а обязанностей постепенно прибавляли, и их стало вдвое больше.

– Смысла не было оставаться, – закончил он, так и не поднимая головы, – так даже дорога не оправдается.

Аня молча переваривала услышанное, не сразу поняв, что Вадим опять без работы.

Слишком велик был контраст с лучезарным и напористым Ильей, у которого все получалось, готовым оседлать эту жизнь, взвиться и рассыпаться фейерверком. В голове до этого вертелась мысль о запасном аэродроме для Вадима – слишком уж выматывающими были эти его заработки в столице, но деловые мысли мигом выветрились, и кроме острой жалости к нему она ничего не ощущала. Разве что привычную глухую тоску – никак не выкарабкаться, ничего не выходит. Вот тебе и якорь. Да ведь жалеть его – это одновременно в него не верить!

– Ну и правильно ушел, – решительно сказала Аня, заглушая в себе все эти мысли. – Они наверняка всех новичков так используют, даром заставляют работать. Сначала человек на них пашет, а потом его ставят перед фактом – или в рабы на их условиях, или проваливай. Ты просто вляпался. Плюнь и забудь. Тут не угадаешь, ты не виноват. Карина вон для одной фирмы перевод здоровенный даром сделала, под видом теста.

– То есть ты хочешь сказать, дураков ищут – и находят, – с самоиронией подытожил Вадим.

Дома, в «подковке»

Сон опять приснился. Не страшный, а тот самый. Он повторялся с самой зимы, и Аня его узнавала.

Она спускается в метро. Вокруг обычные турникеты и обычные толпы народа, но это какое-то странное метро. Какое-то другое. В полупустых, ярко освещенных круглых залах беззвучно скользили эскалаторы. Они поднимались и опускались и приводили в другие такие же залы. Раз за разом Аня убеждалась, что путешествовать по этим залам можно бесконечно. Но надо же куда-то ехать! Где-то должны быть рельсы, вагоны, осмысленное движение.

Она начинала искать привычные ориентиры: таблички, указатели. Но знакомых названий не было. Аня вспоминала, что надо взглянуть на схему, чтобы понять, где она и куда едет, – и схема тут же возникала, огромная, в полстены, каждый раз другая. То одноцветная из длинных ломаных линий, то растянутая и витиеватая, со множеством надписей. Аня изо всех сил глядывалась в них, но это не помогало – буквы складывались в незнакомые слова.

«Как же я доеду?» – думала она, порой ощущая в одной руке руку Егора, а в другой – неповоротливую тяжелую сумку. Иногда бесшумно появлялся поезд, где, плавно покачиваясь, в полусне ехали люди, и ей удавалось попасть туда, к ним. Но вот двери вагона распахивались, предлагая выйти, и снова шла черед пустынных светлых залов. Метро ее не выпускало. Только один раз она вдруг снова оказалась возле турникетов и дверных сквозняков, но оттуда резко хлынула густая черная толпа, дробя на ходу пространство, и вернула ее в лабиринт.

Иногда Аня различала одежду на себе и людях, это были то пальто, то платья – значит, догадывалась она, в блуждании могло пройти очень много времени, целые месяцы!

Тем не менее в *метро* не было ничего кошмарного, ничего пугающего. Напротив, все происходило, словно так и должно быть, словно эти залы и есть метро, словно эти люди и есть люди, а в бесконечных переходах и заключается смысл.

Сон не мог быть изнанкой реальности. Аню никогда не пугало настоящее метро, она всегда его любила за ощущение свободы и стремительности. Но он и не был *ничем*, как целые куски бодрствования вроде времени, убитого в очередях. Это было что-то настоящее, равноправное жизни, со своим если не умыслом, то развитием. Ане казалось, что этот сон продолжается и после пробуждения и ночью она видит только фрагменты, в то время как действие, включающее ее образ, протекает где-то без нее, за экраном, – и больше всего хотела никогда не видеть это *метро*. Как если бы, исчезнув из ее жизни, оно выпустило ее из своей.

Но *метро* возвращалось, и после ночи блужданий по нему пробуждение было ужасным – осколки жизни, прежде чем, перевернувшись, собраться в привычную мозаику, врезались со всех сторон.

Аня виновато схватила часы: ах да, сегодня понедельник, выходной. Можно не дергаться. Ее выходные всегда были какими-то неполноценными: вокруг текла привычная будничная жизнь, и все интересные передачи и фильмы уже показали вчера. И Вадим уходил на работу. Когда-то уходил... Смешно вспомнить – она всегда хотела, чтобы он остался дома. Но сегодня ему надо куда-то ехать, на очередное собеседование.

Вадим действительно уже был одет и пил свой крепчайший черный кофе. Анин кофе, с сахаром и молоком, снисходительно назывался «какао».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.